

Владимир
Бондаренко

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ХАЛТУРА

Я давно уже привык к полемике, даже ожесточенной, и когда читаю выпады в свой адрес, отделяю статьи, стремящиеся к объективности, указывающие на конкретные спорные моменты или же неточности, от злобных, передергивающих, а то и просто перевирающих материалов, цель которых единственная – унижить, оскорбить идейного противника.

Вот и о моей книге о нашем русском гении Михаиле Лермонтове вышли уже десятки рецензий, и восторженных, и скептических, и уточняющих, и оспаривающих концепции, изложенные в ней. Но то, что вышло как раз на лермонтовский юбилей, к 200-летию великого поэта, в либеральном журнале «Знамя», меня откровенно покорило.

Ругань в свой адрес от радикальных либералов я уж как-нибудь перенес бы, но зачем Сергею Чупринину отмечать в своем журнале 200-летие национального гения русского разносной критикой в адрес двух книг в «ЖЗЛ» о великом поэте? Моей и Валерия Михайлова. Разве не нашлось других материалов? Даже если бы это и на самом деле были две самых плохих книги, надо ли в общенациональный юбилей вселюдно кукарекать? Это же получается критика не столько в адрес Бондаренко или Михайлова, сколько в адрес Михаила Лермонтова и его юбилея. Получается, что журнал «Знамя» свел лермонтовский юбилей на уровень книги критика Бондаренко, какая бы она ни была.

Сергей Кормилов, давний литературный начетчик, не хуже Ермиловых и Киришиных, книги читает, высунув язык, дабы шершавым языком отметить подробности, в которых автор мог и на самом деле что-то и перепутать. Ему нет дела до целостной концепции, до сюжета книги, до значимых проблем, выделенных автором, до тех или иных идей, там спорить труднее, там требуется понимание. Но и в своем начетничестве этот неорапповец откровенно халтурит и передергивает. Главная цель – внушить читателю мысль о плохом качестве книг. Мол, авторы ничего не знают, о Лермонтове только что услышали.

Вот, к примеру, Кормилов пишет, мол, по версии Бондаренко: «Лермонтов перед гибелью задумывал издавать журнал якобы в противовес некоему журналу Жуковского (в природе не существовавшему), поскольку этот поэт пробавлялся переводами...» Но в своей книге ни о каком журнале Жуковского я не пишу, а лишь цитирую самого Лермонтова. Я пишу: «Он спорил и с самим Жуковским, покровительствовавшим поэту: «Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное. Не так, как Жуковский, который кормит все переводами.

Да еще не говорит, откуда берет их...» Откуда же Кормилов напридумывал «якобы в противовес некоему журналу Жуковского...»? Из своей начетнической головки. Да и о русскости и опоре на отечественные произведения пишет сам Лермонтов, которого уже Кормилов сравнивает с Викуловым и Куняевым, возглавлявшими и возглавляющими нынешний журнал «Наш современник». По Кормилову – это «реинкарнация Лермонтова». Лихо. Больше похвалы Станиславу Куняеву не придумаешь. Когда я ему зачитал цитату из статьи Кормилова, он был очень доволен своей «реинкарнацией Лермонтова». Далее уже сам Валерий Михайлов становится по Кормилову: «Тут, значит, В.Михайлов – реинкарнация Лермонтова...» Bravo, поздравляю Валерия. Впрочем, у него Лермонтов становится «похожим» и на меня в моей книге.

По фантастической версии Кормилова главной целью моей книги о русском гении было желание сравнить Куняева с Лермонтовым. Он так и пишет: «...главная его идея выражена на одной, даже в одной фразе». Это сблизить план Лермонтова об издании журнала, где нет «ничего переводного, а свое собственное...», то есть исключительно одна русская национальная литература, и программу «Нашего современника», который сегодня и впрямь является, по мнению большинства писателей, чуть ли не единственным органом русской национальной литературы. Я и впрямь согласен с близостью журнальных программ Лермонтова и «Нашего современника» с точки зрения «ничего переводного». Но писать ради этого книгу в шестьсот страниц вряд ли бы стал.

И такими передергиваниями заполнена вся статья Кормилова, надеюсь, Валерий Михайлов отметит свои передергивания сам, но я приведу еще несколько примеров.

Вот начетчик пишет: «Разумеется, совсем неведомой ему осталась фамилия, зашифрованная в экспромте «Русский немец белокурый...». Почему ж, есть в книге и сам немец М.И.Цейдлер, есть и ссылка на его мемуары, где упоминается и госпожа Софья Стааль фон Гольдштейн. Не надо додумывать за других, господин начетчик. И, если я пишу, что «в годы до второй кавказской ссылки Михаил Лермонтов создал почти все наиболее значительные произведения», в том числе и пьесу «Маскарад», это не значит, что «Маскарад» был написан во «время между двумя ссылками», по еще одному фантастическому варианту Кормилова. То же самое с перевираанием авторства «Луки Мудищева». Как пишет Кормилов в свойственной ему манере передергивания: «К числу эротических стихов Баркова он, по народной традиции, относит анонимную поэму с именем главного героя Лука... Всякому, кто с ней знаком, по языку понятно, что она не может... принадлежать И.С.Баркову...»

Во-первых, насчет «всякого», до сих пор в солидных издательствах (к примеру, «Астрель», 2012 год) «Лука Мудищев» так и выходит с предположительным авторством Баркова. Во-вторых, хотел бы я знать, где в своей книге я называю автором этой поэмы И.С.Баркова? В суд мне, что ли, подавать за клевету? Я пишу: «В отличие от пушкинских или даже барковских эротических стихов (и далее через запятую. – В.Б.), в отличие от Луки Мудищева... юнкерские поэмы Лермонтова...» Я не называю никого автором знаменитого «Луки» и, кстати, считаю, что и версия Кормилова, что ее написал брат Пушкина Лев, более чем сомнительна и бездоказательна. Но он имеет право так предположить, а вот я вроде бы никаких прав не имею.

Не думаю, что Сергей Кормилов столь небрежно читал книгу, все-таки доктор наук, профессор МГУ, но читал он ее лукаво, с определенным замыслом, подбирая и домысливая разные неточности.

Вот еще один наглядный пример явного передергивания. Кормилов разоблачает меня: «Бондаренко пишет: «Великий русский поэт оказался в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Компания не самая плохая, только не объединяемая ничем, даже национальностью. Живший в США англичанин Чаплин сыграл еврея-парикмахера, оказавшегося на месте диктатора, в комедии «Великий диктатор» – пародии на Гитлера. Разъяренный фюрер объявил его евреем и своим личным врагом... И многие, включая патриота Бондаренко, оказались в этом вопросе солидарны с Гитлером...» Во-первых, в чем солидарны с Гитлером? В том, что Чаплин мог быть евреем? А неужели это было бы так плохо. Неужели Сергей Кормилов страдает антисемитизмом, и причисление того или иного человека к евреям для него равно унижению человека? И он в таком случае, подобно Гитлеру, зачислил бы Чарли Чаплина в свои враги? Впрочем, Кормилов и в других своих клеветонах относится отрицательно к разным Концевичам, презрительно пишет: «Куда же смотрела А.Ф.Троцевич?...», и так далее. Но еще об одной начетнической статье добавим позже. А сейчас главное, во-вторых. Я лично, от себя в своей книге нигде не сравнивал Лермонтова со Спинозой и Чаплином. Опять начетчик нагло передернул. Я пишу: «Израильский историк Савелий Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещенный со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и опровергни эту глупость...» Увы, не опроверг ни израильский историк Савелий Дудаков, подыскав Лермонтову другого, более достойного отца, вместо Юрия Петровича Лермонтова, – французского еврея Ансельма Леви, личного врача бабушки Лермонтова в Тарханах, ни Сергей Кормилов, публикующий сведения из нацистской наукообразной книги и приписывая эти сведения мне. Теперь уже я опровергаю его, увы, не глупость, а подлость.

Упрекает Кормилов меня даже в том, где опровергнуть ничего не стоит, но заказ есть заказ. Пишет: «Кстати, не раз автор говорит, что в Гродненском полку Лермонтов служил в самом Новгороде, а не в нескольких десятках верст от него, совсем в глухомани. Уж это-то мелочь». Обратимся за этой мелочью к книге и находим: «Высочайшим приказом от 11 октября 1837 года Михаил Лермонтов был переведен из места своей первой ссылки на Кавказ в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом... Полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах...» Что еще надо для опровержения клеветы? Или он и впрямь не читал книгу, или врет откровенно и нагло.

Заодно уж не ему меня учить, где находится Петрозаводск и где Новгород, если я всю жизнь вырос на русском Севере и от Петрозаводска до Новгорода разве что пешком не ходил. Но «мечталось мне», а вдруг бы и заехал Михаил Лермонтов в Петрозаводск, оставил бы еще одну памятку о себе на русском Севере. Точно так же и по поводу Пятигорска и начала изумительного стихотворения «Сон». Уж кто только не писал об этом предсказании Лермонтовым своей гибели «с свинцом

в груди», «в долине Дагестана», и никого пока не упрекали, что Пятигорск-то далековато от Дагестана расположен, неверное предсказание. Просто Кормилов мыслит мелко и примитивно, если в долине Дагестана, то там и лежи, нечего в Пятигорск рваться?! О метафорах, сравнениях, иносказаниях этот филолог и знать не знает ничего.

Собственно, из таких передергиваний и состоит вся эта псевдонаучная беллиберда. Вот уж верно: «ничтожество есть благо в здешнем свете», как бы кто ни понимал значение слова «ничтожество», как небытие, несуществование, или ничтожность, ничтожность.

Я понимаю, на такую «скандальную знаменитость», как Бондаренко, поступил заказ и его надо выполнять. Но зачем же было налететь и на моего коллегу Валерия Михайлова?

Не понимаю. Сергей Кормилов пишет: «Почему редакция «Жизни замечательных людей» в один год с книгой такой скандальной знаменитости, как Бондаренко, выпустила еще одну на ту же тему, да притом более пространный? Чтобы «демократично» представить разные точки зрения?» Я-то считаю, что про Лермонтова и десять книг можно было выпустить, не помешало бы, умных и достойных людей разных взглядов. Но я в свою очередь не понимаю, либеральный журнал решил в очередной раз устроить разгром Бондаренко, все понятно, но зачем для подверстки Сергей Кормилов взялся громить еще и книгу Валерия Михайлова и на таком же мелком, передергивающем уровне? «Парящий в эмпиреях», «антинаучный», одни пустые слова, без доказательств. Его-то за что? Неужели за компанию? Мол, не водись с Бондаренкой... Но вроде бы сам Кормилов многим обязан именно Михайлову, как же можно так мелко «благодарить». Тут уж поговорим и о нравственном облике начетчика Сергея Кормилова. Он ведь не первый раз выполняет такие топорные заказы. Вот совсем недавно обрушился на антологию корейской поэзии, подготовленную московским востоковедом Л.Р.Концевичем. Какова широта познаний мелких подробностей у Кормилова? Вчера подмечает, точно так же передергивая мелкие факты из жизни древних корейских поэтов, сравнивает различные переводы с корейского, будто бы знает корейский язык, сегодня погружается в эпоху начала девятнадцатого века, в эротические поэмы Баркова и Льва Пушкина. И так же, как при разборе наших лермонтовских книг, никакого спора с концепциями, ничего о восточной философии, о влиянии даосизма на корейскую поэзию, никакого сравнения китайских и корейских поэтов одного времени. Голословные утверждения о том, что Анна Ахматова ничего не переводила, за нее это делали другие, она лишь делилась гонораром. Тема эта сложная, может, в тяжелые годы Анна Андреевна и давала таким образом подработать своим коллегам, щедро даря свое имя, но тут нужны не смутные воспоминания, а строгие доказательства. Если в сборниках корейской поэзии стоит имя Анны Ахматовой, так просто его нельзя перечеркнуть и выпустить антологию, указав лишь предполагаемое имя соавтора. Точно так же по-пустому передергивается и сама идея антологии. Мол, «...почему москвич опубликовал антологию корейской поэзии в петербургском издательстве «Гиперин»? Чтобы книга не дошла до Алматы?»

Какая чушь, нынче по интернету можно заказать книгу московского или петербургского издательства, все едино. Я понимаю, что столкнулись разные школы востоковедов и переводчиков, решили наказать непослушного Концевича,

а заодно и Троцевич, и иных. Вот и пригодился наш начетчик, верный рапповец. У любой книжки какой-нибудь мусор соберет. Здесь другая любопытная картинка вырисовывается.

Эту разгромную статью об антологии корейской поэзии Сергей Кормилов опубликовал совсем недавно в восьмом номере ... русскоязычного казахстанского журнала «Простор», главным редактором которого является ... все тот же Валерий Михайлов, доблестно разгромленный Кормиловым уже в журнале «Знамя». Значит, статья о наших книгах о Лермонтове уже готовилась, когда ее автор продвигал свою статью о корейской поэзии все тому же Валерию Михайлову. Может быть, опубликовавшись в «Знамени», теперь по такой же привычке Сергей Кормилов устроит, к примеру, в газете «Завтра» разгром Сергея Чупринина? Пусть несет, я приму. Я, если уж пишу резкие статьи о Наталье Ивановой, никогда бы не стал одновременно ей предлагать свои другие статьи. Даже в старые советские времена, когда между журналами не было таких идейных противоречий. Нетактично, невежливо. Да и зачем?

Даже в понятия литературной игры не входит. Михайлову будет хороший урок на будущее. Не надо печатать начетнические статьи. Был бы разбор по делу, а то все на уровне слухов, кто кого в давние советские времена переводил. И почему та или иная книга в том или другом городе вышла? Окололитературные сплетни. Ему заказали казахстанские востоковеды, вот и получил. А то, что его самого могут заказать, не подумал.

Сергей Кормилов возмущен моим «нелепым исходным тезисом: будто бы именно Лермонтов неугоден в нынешней России власть имущим... Словно Пушкина, или Толстого ... лучше знают». Во-первых, и на самом деле, Пушкина и Толстого и у нас, и за границей лучше знают. Во-вторых, пусть он и ответит, почему именно станцию метро «Лермонтовская» переименовали в годы перестройки, а не «Пушкинскую», или еще какую? Даже царевубийце – «Войковскую» оставили.

Впрочем, он и к самому Михаилу Лермонтову относится с неким снисхождением. Согласно нынешней моде отмечает, как положительное, что «в отличие от Бондаренко В.Михайлов не боится иногда предьявлять к Лермонтову... эстетические претензии...» И на самом деле, и книжки о нем плохие, да и сам он не совершенен.

Интересно, и чего же он преподает студентам, какую русскую литературу? Или корейскую? Или он их уже путает?

